

Валерий Шубинский
Зодчий. Жизнь Николая Гумилева
ООО "Издательство АСТ", 2014
стр. 634 - 656

« ... Раз у нас появился Семенов, дадим о нем небольшую справку: уроженец Иркутской губернии, русский, 1890 года рождения, окончил один курс техникума, член партии с 1907-го, подвергался арестам, ссылке, участвовал в Гражданской войне — член РВС 7-й армии... И такой человек говорит со словоерсами и употребляет такие выражения, как "казенные деньги"? Сомнительно.

Революция породила свой жаргон, к 1921 году уже вошедший в плоть нового чиновничества.

Наведя справки у подчиненных, Семенов счел нужным сообщить гостям только, что Гумилев "действительно арестован" и находится под следствием, которое закончится "через недельку", — и разрешил по истечении этого срока позвонить себе.

Почуввав недоброе, писатели "заметались, телеграфировали в Москву". Слухи о некоем заговоре, который раскрыла ЧК, давно ходили по городу. Уже были арестованы сотни человек. Теперь имя Гумилева упоминалось рядом с именем Таганцева, которого называли главой заговорщиков. Нужно было спасти поэта... Но за неделю ничего сделать и даже узнать не удалось. Семенов, которому в назначенный срок позвонили, на заданный вопрос ответил коротко: "Послезавтра прочитаете в газете".

Значит, "через недельку" наступило 29 августа. Гумилева уже четыре дня не было в живых...

К Семенову как будто ходила и делегация Пролеткульта — стихотворец Илья Садофьев, автор книги "Динамо-стихи", и другие. Со "своими" чекисты были более откровенны и про "должностное преступление" не толковали. Но сказали, что ничего не могут поделать — поэт на допросах ведет себя вызывающе, оговаривает себя, преувеличивает свою вину, говорит, что в случае победы заговора стал бы "командующим петербургским военным округом". Так родилась одна из легенд, связанных с арестом и гибелью Гумилева. Длинный и довольно хаотический текст, смутно характеризовавший структуру заговора (в центре которого — некая "Петроградская боевая организация") и подробно — замысленные (но так и не осуществленные) злодеяния (убийства руководителей Северной коммуны, восстания в Петрограде, Рыбинске и Бологом — с целью отрезать город от Москвы и т. д.), завершался списком расстрелянных. Их 61 человек. Под номером один — Владимир Николаевич Таганцев, профессор, секретарь Сапропелевого комитета, глава ПБО. Под номером тридцать — "Гумилев Н. С., 33 л. (на самом деле 35 лет. — *В. Ш.*), поэт, филолог, член коллегии издательства "Всемирная литература", беспартийный, б. офицер. Содействовал составлению прокламаций. Обещал связать с организацией в случае восстания группу интеллигентов. Получал от организации деньги на технические надобности. Смерть Гумилева породила несметное множество легенд и версий.

Согласно некоторым из них, он и впрямь был героическим (или демоническим) заговорщиком, пламенным монархистом и одним из вождей контрреволюционного подполья. Эта точка зрения была распространена, с одной стороны, в эмиграции, с другой — в официальных советских кругах. Никто из ее сторонников не видел, вероятно, "Петроградской правды" и не знал, какие жуткие преступления ("содействовал составлению прокламаций", "обещал связать", "получал деньги") инкриминировались поэту. Хотя Михаил Зенкевич, акмеист и член двух Цехов, не видеть ее не мог. И однако в его романе "Мужицкий сфинкс" действует Гумилев — заправский заговорщик, дающий инструкции террористу Лене Каннегиссеру и

представляющий своих товарищей по подполью самому Николаю II. Конечно, это фантазмагория, коллаж, намеренное смешение разновременных событий и пр. И все-таки, насколько же легко близкие Гумилеву люди верили в его выдающуюся подпольную роль!

Другие (в основном советские либералы начиная с 1960-х годов) утверждали, что заговор был, но поэт в нем не участвовал, или почти не участвовал: он был оговорен или оговорил себя. Здесь была простая тактическая цель: добиться реабилитации поэта и разрешения на издание его произведений. Лукницкому в 1967 году это чуть не удалось. Третья версия заключается в том, что заговора и вовсе не было, что он был целиком сфабрикован ЧК. Эта последняя точка зрения, тоже имевшая хождение с 1960-х годов и широко распространившаяся в дни "перестройки", является уже более десяти лет официальной: она зафиксирована в заключении Государственной прокуратуры от 29 июля 1992 года:

Петроградской боевой организации как таковой не существовало, она была искусственно создана следственными органами из отдельных групп... занимавшихся переправкой денег и ценностей за границу и переправкой людей, желающих эмигрировать из России[175].

Результат – посмертная реабилитация всех "таганцевцев" (Гумилев уже был реабилитирован годом раньше). Мнение о таганцевском деле как о полностью сфабрикованном (причем по заданию "с самого верха") выражено в книге Г. Е. Миронова "Начальник террора" (1993) и во множестве газетных статей.

Где же правда?

Дать исчерпывающий ответ на вопрос до сих пор невозможно. Причина кажется фантастической: дело до сих пор закрыто. Не потому, скорее всего, что что-то в нем спустя почти столетие может представлять некую угрозу для нынешних властей или каких-то частных лиц. Вероятно, рассекречивание 383 томов требует от архивистов ФСБ непомерных для них технических усилий. Впрочем, такая же ситуация и со многими другими делами 1920-х годов.

В распоряжении большинства исследователей до сих пор были лишь выписка из дела, составленная в 1991 году Генеральной прокуратурой РСФСР, и копии четырех томов. Три из них касаются главы организации, Таганцева, и были предоставлены для ознакомления его сыну. Четвертый относится непосредственно к Гумилеву: до него удалось добраться Лукницкому.

В. Н. Таганцев. Так выглядел глава заговорщиков. Гумилев, вероятно, никогда его не видел, 1910-е

Начнем сначала. Кто такой Владимир Таганцев? Его отец, выдающийся правовед, академик Николай Степанович (полный тезка Гумилева!) Таганцев (1843–1923), пользовался уважением даже у большевиков. Его многочисленные труды переиздавались и переиздаются по сей день; один из них, по иронии судьбы, – "О

пределах карательной деятельности государства". Владимир, родившийся в 1890 году, был младшим и поздним сыном. Специалист по экономической географии, он в последние годы жизни работал в комитете, занимавшемся проблемами использования в качестве удобрения особого сорта ила – сапропеля. К тридцати одному году он успел стать не профессором, а лишь доцентом: чекисты завысили его ученое звание, должно быть, для важности.

Таганцев был арестован в последних числах июня в Вышнем Волочке, куда поехал в командировку. Первоначально ему вроде бы инкриминировали лишь незаконное хранение крупной денежной суммы. Возможно, это было уловкой. 1 июля была арестована жена Таганцева, 27-летняя Надежда, мать двоих детей. Академик Таганцев и его супруга были взяты под домашний арест.

Между тем еще 30 мая – как раз накануне отъезда Гумилева в Крым – при нелегальном переходе финской границы был убит некто Юрий Павлович Герман. При нем были обнаружены (согласно книге Миронова) частное письмо от Бюро по защите прав русских за границей, статья С. Ухтомского "Музеи и революция" и пр. Однако в выписке из дела сказано, что при Германе были также листовки (по тысяче экземпляров каждая):

1. "Граждане! – о расстреле коммунистами лучших рабочих".
2. "Крестьяне, комиссары отбирают у вас весь хлеб, обещают отдать, не отдадут, заплатят пулей".
3. "Большевики распинают Россию".

В деле оригиналов этих листовок (и этих писем), судя по всему, нет. На первый взгляд это может служить подтверждением того, что их и не было никогда – весь заговор сфабрикован. Но зачем было чекистам хранить вещественные доказательства? Им ведь не требовалось доказывать свои обвинения перед судом – судом они сами и были, а ответственность они несли лишь перед собственным начальством, которое вдаваться в бумажные дела не любило и уж за чрезмерную суровость точно никого не карало. Этим же объясняется чудовищная неряшливость, с которой велись протоколы. Следователи постоянно путают имена-отчества своих подопечных (так, Гумилев в некоторых документах именуется Николаем Станиславовичем), даты их рождения и т. д. Обычное дело в 1937 году, но в 1921-м количество арестованных было все же на несколько порядков меньше.

Таганцев сначала молчал и сотрудничать со следствием отказывался. Отец его тем временем написал письмо Ленину с просьбой, во-первых, смягчить участь сына, во-вторых, вернуть отобранные при обыске лично ему, академику Таганцеву, принадлежащие вещи. 17 июля Ленин пишет Дзержинскому: "Очень просил бы рассмотреть как можно скорее заявление в обеих его частях..." Дзержинский отвечает: Питерское ЧК дало распоряжение – немедленно вернуть вещи Таганцеву. Таганцев Владимир Николаевич – активный член террористической (правой) организации "Союз Возрождения России", связывающей и организующей матросов из Кронштадта в Финляндию, взорвавшей для опыта памятник Володарскому. Непримируемый и опасный враг Советской власти. Дело большое и не скоро закончится. Буду следить за ним.

Два дня спустя перед Лениным за Таганцева ходатайствовала его тетка, врач А. Кадьяк. Эта дама была личной знакомой Ленина, лечила его, отказывать ей в лицо ему было неудобно, и вождь просил своего секретаря Л. Фотиюеву "написать ей: что я письмо прочитал, по болезни уехал и поручил Вам ответить: Таганцев так серьезно обвиняется и с такими серьезными уликами, что освободить его сейчас невозможно".

Ленин еще пару раз выражал пожелание смягчить участь отдельных обвиняемых (например, Тихвинского как активного сотрудника Сапропелевого и Нефтяного комитетов), но особо на своих ходатайствах не настаивал. Это существенно, поскольку имела хождение (вплоть до “перестроечного” времени) легенда о том, что Ленин помиловал Гумилева, но бумага была задержана некими злодеями и пришла уже после расстрела поэта. Восходит она к Горькому, который любил сочинять подобные истории – и сам же через какое-то время начинал в них верить. Это позволяло этому не способному на открытый цинизм человеку оправдывать свою дружбу (или по крайней мере союзничество) с большевиками.

С другой стороны, существует свидетельство А. Э. Коблановского, секретаря Луначарского:

Однажды в конце августа 1921 г. около 4 часов ночи раздался звонок. Я пошел открывать дверь и услышал женский голос, просивший срочно пустить к Луначарскому. Это оказалась известная всем член партии большевиков, бывшая до революции женой Горького, бывшая актриса МХАТа Мария Федоровна Андреева. Она просила срочно разбудить Анатолия Васильевича... Когда Луначарский проснулся... она попросила позвонить Ленину. “Медлить нельзя. Надо спасти Гумилева. Это большой и талантливый поэт. Дзержинский подписал приказ о расстреле целой группы, куда входит и Гумилев. Только Ленин может отменить его расстрел”...

Когда Ленин взял трубку, Луначарский рассказал ему все, что только что узнал от Андреевой. Ленин некоторое время молчал, потом произнес: “Мы не можем целовать руку, поднятую против нас”. – И положил трубку.

К этому рассказу мы еще вернемся.

Итак: 21–22 июля доцент Таганцев предпринял в камере попытку самоубийства. Его спасли... И уже через несколько дней он стал давать показания.

Почему?

Именно в этот момент на сцене появляется новый человек – Яков Саулович Агранов.

Дадим досье и на него: настоящая фамилия – Соренсон, уроженец Могилевской губернии, еврей, сын лавочника, окончил четыре класса городского училища, работал конторщиком. Член партии с 1912 года, подвергался арестам и ссылкам (в Енисейскую губернию)... До этого момента биография очень похожа на биографию Семенова. Самоучка-полуинтеллигент из провинции, с подростковых лет прибившийся к большевикам. Еврейское мещанство в черте оседлости было, конечно, грамотней великорусского мещанства Сибири, но, с другой стороны, техникум – это повыше классом, чем городское училище... Правда, Янкл Соренсон очень усердно занимался самообразованием. При аресте в 1915 году у него было найдено множество самых разных книг – от Токвилля до Леонида Андреева.

И вдруг в 1918 году происходит карьерный скачок – бывший конторщик из Полесья, красный чиновник губернского масштаба волей судеб становится секретарем Совнаркома. В 1919-м – новое назначение, на должность с очень внушительным названием: особоуполномоченный Особого отдела ВЧК...

Весной 1921 года Агранов участвовал в расследовании Кронштадтского мятежа. Теперь он был снова командирован в Петроград. Почему? В ВЧК сочли, что дело – не из совсем обычных?

По многим свидетельствам, Агранов пообещал Таганцеву (от имени Дзержинского), что никто из его сподвижников не будет казнен. То, что Владимир

Николаевич поверил этим заверениям, само по себе свидетельствует о степени его политической и человеческой наивности. Судя по всему, обещан был и гласный суд. Таганцев, видимо, хотел воспользоваться возможностью высказать свои взгляды публично.

Есть сведения и о том, что в камеру к Таганцеву был подсажен провокатор Александр Опперпут (личность с фантастической биографией, двойной перебежчик и тройной агент). Вероятно, давление оказывалось и через него.

Итак, Таганцев стал говорить... Именно на его "противоречивых и неконкретных показаниях" и было основано обвинение, как гласит заключение прокуратуры еще от 27 апреля 1982 года (когда дело впервые взялись пересматривать). В принципе, этого было бы и в те времена достаточно для отмены приговора и реабилитации. Прокуроры и чекисты-андроповцы, которым приходилось действовать в условиях стабильной юстиции, выдвигать обвинения против диссидентов перед послушным, но все же формально самостоятельным судом и при этом спорить с настоящими адвокатами, были, должно быть, в ужасе от юридической небрежности коллег из 1921 года.

Конечно, беспристрастный суд не осудил бы Таганцева и его подельников, в том числе Гумилева, на основании тех данных, что представило следствие. Но суд потомства отличается от суда уголовного.

С современной точки зрения, участвовать в заговоре против большевиков несколько не стыдно и не преступно; стыдно и преступно помогать ЧК в фабрикации дела против невинных людей. "Реабилитируя" Таганцева, прокуратура на деле выдвинула против него тяжкое обвинение. Справедливо ли оно?

Итак, что же сказал Таганцев о целях и сути своей организации?

Мы видели начавшуюся апатию, тоску изуверившихся людей... и решили употребить все наши силы на борьбу с победителями. Мы знали, что воинственное настроение наблюдается среди крестьянства в разных губерниях... Явилась мысль – о необходимости взять в руки и связать такие движения и перенести их на север, в Великороссию.

После завершения Гражданской войны и неудачи интервенции надежды многих противников большевизма были связаны с крестьянскими бунтами. Мелкие и не очень мелкие восстания ("антоновщина" на Тамбовщине и т. д.), происходившие по всей России, виделись им началом нового "пугачевского бунта", который сметет Ленина. Такие надежды высказывал, в частности, Милюков, с которым на этой почве резко разошелся В. Д. Набоков.

В Петрограде тоже зрело недовольство, в том числе среди рабочих. В январе 1921 года в городе начались "волынки" – рабочие выходили к станкам, но так и не приступали к работе. Это была новая, более гибкая форма борьбы. В конце февраля – начале марта пошли уже собственно забастовки, сопровождавшиеся уличными демонстрациями с выдвижением политических лозунгов (прямые тайные выборы, многопартийная система, "раскрепощение личности", свобода торговли и т. д.). 25 февраля в городе было объявлено военное положение, но открыто применить силу против рабочих власти боялись по идеологическим причинам. Однако к началу марта, как только в столицу подвезли продовольствие и топливо и стали распределять его по заводам, волна протеста схлынула, так и не приведя (как в 1905-м или 1917 году) к общенациональной революции. К 11 марта все предприятия города уже работали. Но в начале марта восстал Кронштадт. Ирина Одоевцева характеризует настроение петроградской интеллигенции в дни с 1 по 18 марта как "пытку надеждой". Только на матросскую братву, которая во многом и привела-то большевиков к власти, надеялись ныне те, кто ненавидел ленинский режим. Но командарм Тухачевский взял крепость штурмом и, в острастку и поучение прочим, расстрелял половину пленных.

В центральном руководстве большевиков накануне (в конце 1920-го – начале 1921-го) тоже намечался раскол. Но (цитируя показания Таганцева) “мы с удивлением увидели, что перед лицом надвинувшейся опасности наблюдалось быстрое сплочение рядов только что ссорившихся предводителей РКП. Усмирился Троцкий, успокоилась рабочая оппозиция...”. В конце концов был достигнут на какое-то время консенсус – все осознали необходимость перехода к НЭПу.

Очевидно, что в этой обстановке в Петрограде не могло не существовать политических кружков, связанных между собой, но составлявших скорее сетевую, чем иерархическую структуру. Одним из них был кружок Таганцева, возникший еще в 1919 году. Четкого названия у него не было (“Петроградская боевая организация” – скорее плод творчества чекистов). Программа была, если судить по словам Таганцева, довольно умеренной: советы предполагалось на первое время сохранить (без большевиков), Красную армию – тоже, о земельной реституции речи не было: вся помещичья земля отходила к крестьянам... Все это – в сочетании с политической свободой и частно-государственной экономикой.

О чем-то в этом роде мечтали и говорили многие. Особенностью таганцевской группы было то, что, кроме Таганцева и подобных ему людей, таких как профессор-финансист Н. И. Лазаревский, профессор-нефтяник М. П. Тихвинский или уже упоминавшийся скульптор и музейный работник С. А. Ухтомский, занимавшихся в основном проектами “обустройства России”, в нее входило и несколько “людей дела”. Это были прежде всего бывшие офицеры Ю. П. Герман и подполковник В. Г. Шведов (Вячеславский).

Сам Таганцев “человеком дела” отнюдь не был. Вот как характеризуют его чекисты: “Политические взгляды Таганцева расплывчатые и не цельные, к чисто практической работе не был способен, потому и провалил организацию в самом ее начале”. Если бы заговор был сфабрикован, вероятно, на роль предводителя поискали бы кого поимпозантнее этого кабинетного ученого. Но Герман и Шведов были, судя по всему, заправскими авантюристами. Они регулярно ходили через финскую границу, проносили в Россию и эмигрантскую прессу, и контрабандные товары, а возможно, и оружие, были связаны с зарубежным антибольшевистским сопротивлением (например, с представителем Врангеля в Финляндии профессором Д. Д. Гриммом). Некоторые члены организации для облегчения путешествий через границу устраивались курьерами в разведывательное отделение финляндского генерального штаба.

В кронштадтские дни Герман ходил по льду в мятежный город, пытался (тщетно) вызвать на помощь восставшим добровольцев из Финляндии. После разгрома восстания к таганцевской организации примкнули пятнадцать матросов-кронштадтцев. Судя по всему, они не отличались дисциплинированностью и действовали сами по себе. Ими были осуществлены две единственные реальные акции того, что называют ПБО, – вполне бессмысленные и привлекшие внимание властей. Перед 1 мая подожгли трибуны на Дворцовой площади и Петроградской стороне, а две недели спустя, 15 мая, взорвали памятник Володарскому на Конногвардейском бульваре. Задержанный на месте преступления Василий Иванович Орловский (он же Хейнеман, он же Варнухин), бывший матрос, быстро признался в своих намерениях уничтожить всю городскую верхушку и утвердительно ответил на вопрос о знакомстве и связи с Таганцевым. Два других матроса – Паськов и Комаров – сразу же при аресте дали подробные, предательские показания. Именно матросня, судя по всему, Таганцева и погубила.

Таганцев Владимир Николаевич, 31 года, бывший помещик, профессор географии, б/п, секретарь Сапропелевого комитета; поставил себе целью свержение советской власти путем вооруженного восстания, применения тактики политического и экономического террора по отношению к Советской власти. Состоял в деловых отношениях с разведками Финского Генерального штаба, американской, английской.

Звучит солидно. А вот следующий обвиняемый:

Максимов Григорий Григорьевич, 32 лет, сын учителя, инженер-технолог, ассистент профессора по кафедре технологии Технологического института, женат, б/п. Активный член Петроградской боевой организации, оказывал организации услуги, выразившиеся в перепечатке подложных документов для отправки за границу трех гардемарин.

Без комментариев. Дальше: "Попов Гавриил Константинович – заведующий отделом автопункта", "Туманов Константин Давыдович – заведующий отделом снабжения РОСТА". Всё это люди, оказывавшие заговорщикам мелкую техническую помощь.

Потом – Лазаревский и Ухтомский. На седьмом месте – жена Таганцева, домохозяйка, расстрелянная, по существу, только за то, что знала о деятельности своего мужа.

Осуждены и расстреляны либо идеологи, либо второстепенные члены организации. А где же "люди дела"? Все погибли при задержании?

Вот наконец военный человек:

Мацеевский Антон Валерианович, 23 лет, мичман, беспартийный. Командир подводной лодки "Тур". Участник ПБО. Знаком со всеми курьерами американской и финской разведки... Перепечатывал сведения для американской разведки. Обещал курьеру американской разведки Никольскому достать документы, но отказался исключительно из-за малой платы.

Но где же этот Никольский? Где эти курьеры, которых молодой подводник знал? Где тот, кто не отказался достать документы?

Таким образом, при знакомстве с официальным объявлением ВЧК с выпиской из дела и с его доступной для ученых частью остается немало вопросов. Может быть, ответ на них можно найти с другой стороны? Ведь если Герман и Шведов были как-то связаны с эмиграцией, сведения о них и об их организации должны быть в материалах белого зарубежья.

Да, есть такие сведения.

22 марта 1922 года А. Ставрогин, один из бывших руководителей созданного Савинковым Российского эвакуационного комитета, в своем тексте, озаглавленном "Правда о савинковцах (не для печати)", признает, что члены РЭК были в 1921 году осведомлены "о существовании в Петрограде антибольшевистской организации и о характере ее работы" и пытались установить с ней связь. "Центр указывал, что петроградский район наилучше подготовлен к восстанию и обладает для того достаточными силами, но боится провала. Ввиду того, что организация разбухла".

Далее: в 1995 году опубликованы депеши Таганцева Гримму, написанные во время Кронштадтского восстания. Таганцев сообщал о готовящемся выступлении в городе, просил помочь деньгами, продовольствием, типографским оборудованием.

Наконец, есть письмо Гримма Врангелю от 4 октября, в котором он докладывает о разгроме таганцевской организации, сообщает кое-какие подробности о ее работе в Финляндии. Между прочим, названо имя главного представителя таганцевцев по ту сторону финской границы. Это имя (вот ведь ирония истории!) – лейтенант Шмидт.

Документов не так уж мало, но доказывают они только одно: что организация существовала, была довольно деятельной и даже стала разбухать.

А вот странности расследования дела...

Каковы же возможные объяснения?

Первое: следователи были такими же дилетантами, как и заговорщики. Для ЧК были гораздо привычнее массовые расправы с ни в чем не повинными заложниками из бывших “привилегированных классов”, чем расследование мало-мальски сложного конспиративного дела.

Это отчасти правда. Если забыть, кто именно курировал дело таганцевской группы. Яков Агранов был мастером, ювелиром полицейского ремесла. Он умел, если прикажут, инсценировать заговор и создать политический процесс на голом месте (дело Промпартии). А мог с помощью утонченной провокации заманить в СССР и захватить настоящих, сильных и опытных врагов советской власти, в том числе самого Савинкова (“Операция Трест”). Да, в 1921 году ему еще не хватало опыта. Но все же к концу августа он, судя по всему, успел выяснить довольно много... И вдруг – скоропалительный смертный приговор и уничтожение всех основных свидетелей.

Достоин внимания: спустя месяц после приговора “таганцевцам” Петроградская ЧК распускается и формируется заново. Семенова год спустя мы видим на невзрачной должности начальника Алданских приисков (потом его карьера опять медленно идет в гору, и к середине 30-х он – секретарь Крымского, а потом Сталинградского обкома). А вот Агранов взлетает все выше и выше: становится замначальника, а потом – начальником секретного управления ОГПУ.

Значит, Семеновым и его компанией были за что-то недовольны, а Аграновым – довольны. На этом основана версия, изложенная в первом издании настоящей книги. Суть ее в следующем: Агранов замыслил большой, может быть, и публичный процесс, в котором главным героем, главным обвинителем должен был стать он, а не Семенов. Но начальник Петроградской ЧК не мог допустить, чтобы московский эмиссар перехватил у него честь разоблачителя заговорщиков. Коллегией ЧК был скоропалительно вынесен и приведен в исполнение приговор, важные свидетели были уничтожены, дело осталось раскрытым лишь наполовину – зато Семенов смог отчитаться о разгромленном им, им, а не Аграновым, грандиозном заговоре.

Есть лишь одно обстоятельство, ставящее эту версию под сомнение. Обычно приговоры приводились в исполнение на следующий день после вынесения. В данном случае приговор датируется 24 августа. Лукницкий датирует смерть Гумилева 25 августа. У Павла Николаевича были хорошие информаторы в ЧК-ОГПУ, верить ему можно.

Казалось бы, все сходится. Но в книге Г. Е. Миронова указано, что Таганцев в последний раз был допрошен 27 августа! Миронов ошибся (в его книге вообще много неточностей и ошибок)? Или Таганцев 27-го был еще жив? Это, конечно, не значит, что были живы все остальные. Но если бы приговор был вынесен за спиной Агранова, но не приведен в исполнение немедленно, у особоуполномоченного было бы время добиться его отмены...

До полной публикации материалов дела (а сколько десятилетий нам еще ждать?) можно строить только предположения. Несомненно одно: следствие продолжалось и после 1 сентября, выносились новые приговоры. Еще более 30 человек было расстреляно, 83 – отправлено в концентрационный лагерь. В то же время из 833 арестованных 448 человек (больше половины) были освобождены – в том числе, например, Николай Пунин. А вот о судьбе 200 с лишним человек никаких данных нет. То ли их без официального оформления расстреляли, то ли без оформления отпустили. Еще одна загадка.

Конечно, в любом случае и при любом обороте дела “мелкие сошки заговора” не уцелели бы. Год спустя Агранов так ответил на вопрос поэта Бермана (он еще появится чуть ниже) о том, почему так жестоко расправились с “таганцевцами”: “В 1921 г. 70% петроградской интеллигенции были одной ногой в стане врага. Мы должны были эту ногу ожечь”.

По существу, на этой фразе основана третья версия, высказанная Ю. В. Зобниным в книге “Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии” (2011):

...В данном деле заботиться о безопасности РСФСР и ее властей Агранов вообще целиком предоставил семеновским головорезам, гонявшимся за головорезами из боевой группы ПБО и, кстати, к моменту активного аграновского старта уже почти всех посадившим (или – перестрелявшим).

У Агранова – совершенно иная, особая миссия.

Летом 1921 года Агранов “обкатывал” созданный им по заданию партии механизм величайшей в истории машины правового и нравственного подавления личности. Масштаб был, как и полагается для обкатки, скромным, можно сказать, крошечным – всего чуть более восьмисот человек (именно столько людей так или иначе проходили по “делу ПБО”), – но сам-то механизм мыслился для подавления целых народов, а в ближайшем историческом будущем – всего человечества. Прямо-таки им. В одиночку! Дзержинский, Менжинский, Ягода и даже Ленин и Сталин превращаются в бледные тени Агранова, а сам он из талантливого и деятельного контрразведчика и палача (каковым он, несомненно, был) делается настоящим Князем Тьмы.

И кстати, кого из боевой группы посадили “семеновские головорезы”? Дело в момент прибытия Агранова, судя по всему, находилось в кризисном состоянии: два руководителя организации погибли при аресте, третий молчит. Именно Агранов “разговорил” Таганцева. Все, что стало известно следствию о финляндских связях “таганцевцев”, об их конспиративной деятельности, выяснил он. У него были основания принять заговор всерьез. Возможно, Таганцев и даже Герман со Шведовым и не были сами по себе особенно опасны для Советской власти. Но их связи с границей меняли дело. Что было бы, например, если бы Герман в марте 1921-го уговорил савинковского эмиссара Эльвенгрена отправить людей в помощь Кронштадту?

Задача пугануть петроградскую интеллигенцию, несомненно, тоже ставилась. Конечно, та была уже достаточно запугана террором 1918–1920 годов. Но важно было донести до образованного сословия, что НЭП не предусматривает никакой политической либерализации. Да, сотнями расстреливать заложников, как в 1918 году, теперь не станут, но всякое, даже самое незначительное, участие в антисоветской деятельности будет караться без пощады. Важно было сформировать новые правила игры – для мирного времени, для новой фазы диктатуры.